

DOI: <https://doi.org/10.36719/2789-6919/55/52-61>

Офелия Тагиева

Бакинский Славянский Университет
<https://orcid.org/0009-0002-3555-2297>
ofeliya.salimova@yandex.com

Концептогенез историко-культурных маркеров в художественном дискурсе

Резюме

Статья посвящена исследованию историко-культурных маркеров в художественном дискурсе с позиции их концептогенеза. Основное внимание уделено выявлению когнитивно-семиотических механизмов, посредством которых лексические единицы фиксируют исторические, социальные и духовные аспекты культурного опыта. Эти механизмы функционируют как интегративные семантические узлы, обеспечивая сопряжение языковых номинаций с концептуальными структурами культурной памяти. В процессе концептогенеза они выступают когнитивными маркерами, позволяющими реконструировать динамику историко-культурных моделей и выявлять скрытые когнитивно-семиотические связи между социальными практиками, ритуальными нормами и символической репрезентацией эпохи.

В работе рассматриваются социокультурно-функциональные, денотативно-апеллятивные, конфессионально-маркированные и историко-фактуальные маркеры как концептологически насыщенные элементы, обеспечивающие интеграцию коллективной памяти и художественной интерпретации. Социокультурно-функциональные номинации демонстрируют специфику профессиональной, бытовой и экономической деятельности эпохи, выступая маркерами институциональных практик. Денотативные апеллятивы формируют устойчивые типологии социальных образов и фиксируют психологические и культурные установки, обеспечивая мгновенное распознавание характеров и социальных ролей. Конфессионально-маркированные номинативы раскрывают сакральные и этические концепты, способствуя реконструкции духовной среды и моральных ориентиров общества. Историко-фактуальные референты обеспечивают фиксацию конкретных событий, символов и личностей, интегрируя политико-социальные и культурные коды в художественное повествование.

Использование концептогенетического подхода позволяет выявить скрытые смысловые связи между языковыми номинациями, культурной памятью и социально-исторической динамикой. Статья подчеркивает, что историко-культурные маркеры функционируют как когнитивные и семиотические механизмы моделирования историко-культурного опыта народа, создавая многомерные семантические сети.

Ключевые слова: когнитивная семиотика, историко-культурные маркеры, концептогенез, культурная память, семантические сети, социально-культурные коды, когнитивное моделирование

Ofeliya Tağıyeva

Bakı Slavyan Universiteti
<https://orcid.org/0009-0002-3555-2297>
ofeliya.salimova@yandex.com

Bədii diskursda tarixi-mədəni markerlərin konseptogenezi

Xülasə

Məqalə bədii diskursda tarixi-mədəni markerlərin konseptogenezi mövqeyindən tədqiqinə həsr olunmuşdur. Əsas diqqət leksik vahidlərin tarixi, sosial və mənəvi-mədəni təcrübənin aspektlərini necə kodlaşdırdığını müəyyənləşdirən koqnitiv-semiotik mexanizmlərin aşkarlanmasına yönəldilir. Bu mexanizmlər integrativ semantik düşünlər kimi fəaliyyət göstərərək, dil nominasiya vahidlərinin mədəni yaddaşın konseptual strukturları ilə uzlaşdırılmasını təmin edir.

Konseptogenez prosesində onlar tarixi-mədəni modellərin dinamikasını rekonstruksiya etməyə və sosial təcrübələr, ritual normalar və dövrün simvolik representasiyası arasında gizli koqnitiv-semiotik əlaqələri üzə çıxarmağa imkan verən, koqnitiv markerlər kimi çıxış edir.

İşdə sosiomədəni-funksional, denotativ-apellyativ, konfessional işarələnmiş və tarixi-faktoloji markerlər kollektiv yaddaşın və bədii interpretasiyanın inteqrasiyasını təmin edən konseptoloji baxımdan zəngin elementlər kimi nəzərdən keçirilir. Sosiomədəni-funksional nominasiyalar dövrün peşə, məişət və iqtisadi fəaliyyətinin spesifikasiyasını nümayiş etdirərək institusional praktikaların markerləri rolunu oynayır. Denotativ apellyativlər sosial obrazların sabit tipologiyalarını formalaşdırır və psixoloji-mədəni yönümləri sabitləşdirərək xarakterlərin və sosial rolların dərhal tanınmasını təmin edir. Konfessional işarələnmiş nominativlər sakral və etik konseptləri üzə çıxarır, cəmiyyətin mənəvi mühitinin və əxlaqi orientirlərinin rekonstruksiyasına şərait yaradır. Tarixi-faktoloji referentlər konkret hadisələrin, simvolların və şəxsiyyətlərin sabitləşdirilməsini təmin edir, siyasi-sosial və mədəni kodları bədii nəqlətməyə inteqrasiya edir.

Konseptogenetik yanaşmanın tətbiqi dil nominasiyaları, mədəni yaddaş və sosial-tarixi dinamika arasında gizli məna əlaqələrinin müəyyənləşdirilməsinə imkan verir. Məqalədə vurğulanır ki, tarixi-mədəni markerlər xalqın tarixi-mədəni təcrübəsinin modelləşdirilməsində koqnitiv və semiotik mexanizmlər kimi fəaliyyət göstərərək çoxölçülü semantik şəbəkələr yaradır.

Açar sözlər: *koqnitiv semiotika, tarixi-mədəni markerlər, konseptogenez, mədəni yaddaş, semantik şəbəkələr, sosial-mədəni kodlar, koqnitiv modelləşdirmə*

Ophelia Taghiyeva

Baku Slavic University

<https://orcid.org/0009-0002-3555-2297>

ofeliya.salimova@yandex.com

Concept Genesis of Historical and Cultural Markers in Artistic Discourse

Abstract

The article is devoted to the study of historical and cultural markers in artistic discourse from the perspective of their concept genesis. The primary focus is placed on identifying the cognitive and semiotic mechanisms through which lexical units encode historical, social, and spiritual dimensions of cultural experience. These mechanisms function as integrative semantic nodes, ensuring the correlation of linguistic nominations with conceptual structures of cultural memory. In the process of concept genesis, they operate as cognitive markers that make it possible to reconstruct the dynamics of historical and cultural models and to reveal implicit cognitive-semiotic links between social practices, ritual norms, and the symbolic representation of a given epoch.

The paper examines sociocultural-functional, denotative-appellative, confessionally marked, and historical-factual markers as conceptually saturated elements that ensure the integration of collective memory and artistic interpretation. Sociocultural-functional nominations demonstrate the specificity of professional, every day, and economic activities of a particular era, serving as markers of institutional practices. Denotative appellatives form stable typologies of social images and register psychological and cultural attitudes, enabling immediate recognition of characters and social roles. Confessionally marked nominatives reveal sacred and ethical concepts, contributing to the reconstruction of the spiritual environment and moral guidelines of society. Historical-factual referents ensure the fixation of specific events, symbols, and personalities, integrating political-social and cultural codes into the artistic narrative.

The application of a concept-genetic approach makes it possible to identify latent semantic connections between linguistic nominations, cultural memory, and socio-historical dynamics. The article emphasizes that historical and cultural markers function as cognitive and semiotic mechanisms

for modeling the historical and cultural experience of a people, thereby creating multidimensional semantic networks.

Keywords: *cognitive semiotics, historical and cultural markers, concept genesis, cultural memory, semantic networks, socio-cultural codes, cognitive modeling*

Введение

В научной перспективе выявление предпосылок и закономерностей концептогенеза способствует развитию теории когнитивистики и расширяет возможности лингвокультурологического анализа текста. Это, в свою очередь, позволяет более глубоко реконструировать межтекстуальные связи и культурно-исторические коды, заложенные в художественном дискурсе. «Новый уровень знаний, которых достиг человек XXI века, замена логоцентрической модели понимания мира на поликультурную, интерес к локальным повествованиям и национальным особенностям литератур, а также многозначность самого художественного произведения, требующего все более скрупулезного и глубокого проникновения в его суть, приводят к интенсивным поискам оптимальных средств анализа текста» (Первушина, 2012, с. 77). В этом отношении настоящее исследование направлено на системное изучение процессов формирования и функционирования историко-культурных маркеров, их концептуальной дифференциации и семантической организации в контексте художественного дискурса.

Концептогенез историко-культурных маркеров в художественном дискурсе представляет собой сложный когнитивно-семиотический процесс, в рамках которого номинации и экспрессивные единицы текста формируют динамическую систему широких смысловых конструкций. Исследование данных этнокультурных маркеров позволяет выявить механизмы интерпретации авторского замысла и реконструкции культурно-исторических контекстов, интегрированных в повествовательную структуру. «Интерпретация текста представляется как постепенный переход от эксплицитно выраженных форм к глубинным системам знания, представляющим общую базу знаний носителей языка. Кроме языковых знаний она включает знания о ситуации, контексте, фоновые знания, социальные и культурные стереотипы и т.д. (Голубева, 2010, с. 9). Особое значение в этом процессе приобретает анализ предикативно-оценочных компонентов, через которые историко-культурные маркеры осуществляют коммуникативное воздействие на читателя.

Разноаспектному анализу маркеров-реалий в художественном дискурсе и его интерпретации с позиций различных функциональных подходов посвящён широкий круг научных работ. В частности, данная проблематика представлена в исследованиях А.И.Новикова, А.Н.Андреева, Н.С.Болотновой, Л.В.Борисовой, А.А.Гугнина, М.М.Иоскевич, Т.Ф.Плехановой, Г.И.Богина и др. Заметим, что ретроспективный обзор по указанной тематике последовательно и аргументированно представлен в работе А.М.Шуралёва (Шуралёв, 2013). Вместе с тем историко-культурные маркеры в аспекте их концептологического генезиса до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Хотя отдельные методологические и теоретические предпосылки подобного анализа в научной литературе фиксируются (Əliyeva, 2019; Первушина, 2012), во многих случаях такие исследования сохраняют преимущественно теоретический характер и не опираются на систематизированный корпус эмпирических данных художественной литературы. Таким образом, обозначенная лакуна определяет актуальность настоящего исследования и задаёт необходимость комплексного рассмотрения механизмов концептогенеза историко-культурных маркеров-реалий в художественном дискурсе (Тюпа, 2002).

Настоящее исследование направлено на изучение закономерностей формирования и функционирования историко-культурных маркеров в художественном дискурсе, но с условием, что в центре внимания находится их концептогенетический потенциал, проявляющийся в процессах смысловой актуализации, культурной репрезентации и интерпретационной динамики. Особое значение при этом приобретает выявление механизмов включения данных единиц в текстовую

структуру и их роли в моделировании авторской и еще шире – национальной картины мира. Полученные результаты позволяют уточнить функционально-семантический статус указанных маркеров и расширить инструментарий лингво-когнитивного анализа текста.

Исследование

Историко-культурные маркеры представляют собой особый пласт лексических ресурсов языка, характеризующийся высокой степенью концептуальной и культурной насыщенности, что нередко затрудняет их адекватное понимание и может приводить к интерпретационным искажениям. В связи с этим их исследование в пространстве художественного текста приобретает принципиальную значимость как в лингво-когнитивном, так и в когнитивно-психологическом аспектах. Кроме того, обращение к данным единицам позволяет проследить, каким образом читатель осуществляет декодирование культурно маркированных смыслов и соотносит их с собственным, национальным фоновым знанием. Изучение историко-культурных маркеров в аспекте концептогенеза позволяет реконструировать механизмы формирования ключевых культурных смыслов и исторических представлений, закреплённых в коллективном сознании конкретного народа. В данном ракурсе маркеры-реалии выступают не только языковыми знаками, но и когнитивными узлами, через которые проявляется культурная память, ценностная и историческая самоидентификация этноса.

Не вдаваясь в детализированное рассмотрение подходов к определению данного понятия, отметим, что вслед за В.В.Воробьёвым, О.Г.Иванищевой, Л.С.Бархударовым, С.В.Ивановой, Л.Е.Ильиной и др. (Qubatov и Вахшьева, 2003, с. 132-133; Шуралёв, 2006, с. 11-15) под историко-культурными маркерами понимаются слова и словосочетания, обозначающие уникальные предметы, явления, обычаи, обряды либо исторические факты, характерные для определенного народа, эпохи или культуры, обладающие выраженным национальным колоритом, часто не имеющие точных эквивалентов в других языках и иногда относящиеся к сфере непереводаемой дословно лексики. Стало быть, анализ данных единиц в художественном дискурсе позволяет выявить механизмы репрезентации культурной памяти и способы концептуального моделирования исторической действительности средствами языка.

Таким образом, историко-культурные маркеры в художественном дискурсе выступают не только средством номинации, но и механизмом актуализации культурно-исторической информации, встроенной в текстовую семантику. Их интерпретация в значительной степени определяется как авторской стратегией, так и уровнем фоновых знаний читателя, что обуславливает многоуровневый характер смыслопорождения. В связи с этим представляется целесообразным перейти к непосредственному анализу функционирования историко-культурных маркеров в художественном тексте в аспекте их концептуального генезиса.

1. *Социокультурно-функциональные номинации.* Данная группа языковых маркеров представляет собой лексические единицы, обозначающие не просто предмет или лицо, а социально и исторически закреплённую функцию – вид труда, ремесла или профессиональной деятельности, характерной для определённой эпохи и культурного уклада. «В художественном тексте подобная номинация выполняет роль культурно-языкового кода, поскольку в сжатой форме маркирует историческую среду, социальную стратификацию и этнокультурный опыт, обеспечивая эффект «временной достоверности» и погружения читателя в реконструируемую реальность» (Плеханова, 2011, с. 18). Ср.: «*На спине человека, под ситцевой рубахой – синей, с белыми горошинами – торчат острые лопатки. Худой, руки черные, волосы лохматые, с подпалинами. Рубаха тоже прожжена в нескольких местах. Шея тонкая и жилистая... – Смолокур, – сказал он*» (В.М. Шукшин, «Стенька Разин»); «*Помер Андрей Родивоныч, и смолокур с тем мешком подальше от Муромских лесов убрался – в уездном своем городе в кутцы записался*» (П.И. Мельников-Печерский, «На горах») и др. В указанных контекстах слово «смолокур» актуализирует целый пласт традиционной русской хозяйственной культуры: лесные промыслы, технологию получения смолы, специфику деревенского быта и экономических отношений в историческом пространстве русского народа. Кроме того, данная «функциональная реалия выступает как когнитивно-концептологический маркер исторической эпохи, обеспечивая реконструкцию типологии трудовых практик, социальной стратификации и институционализированных

экономико-культурных отношений, закрепленных в коллективной и национальной культурной памяти» (Борисова, 1999, с. 51).

Или же: «Взял я лихача, и помчал он нас мимо брани встречных извозчиков, мимо облитых грязью пешеходов» (А.И. Куприн, «Чёрный туман»); «У меня Матвей, лихач, рысак, и является к моим услугам, когда я назначу» (Ф.М. Достоевский, «Подросток»); «– Мы их, бабушка, в Сергиеву пустынь на лихаче прокатим, – вот и божественное будет!» (М.Е.Салтыков-Щедрин, «Господа Головлёвы») и мн. др. В этих примерах лексема «лихач» функционирует как типичная функциональная историко-культурный маркер, поскольку обозначает не индивидуального персонажа, а социально закреплённую роль в городской повседневности XIX в. – профессионального извозчика, ориентированного на скорость, риск и демонстративную манеру езды. В этом смысле «лихач» выступает не просто номинацией лица, а культурно-кодовой единицей, репрезентирующей конкретный фрагмент исторической урбанистической культуры, включающей транспортные практики, нормы поведения, социальные типажи и коммуникативные модели.

В контексте А.И.Куприна («Взял я лихача...») языковой маркер актуализирует концепт динамичного городского пространства, где движение, шум, «брань встречных извозчиков» и грязь формируют семантику повседневного хаоса и социального напряжения. Здесь «лихач» концептогенетически связывается с представлениями о скорости как форме власти над пространством, а также с культурной нормой агрессивной уличной коммуникации. Тем самым маркер становится механизмом создания исторически достоверной картины города и его поведенческой среды.

У Ф.М.Достоевского («У меня Матвей, лихач, рысак...») социокультурно-функциональная номинация получает дополнительную концептологическую нагрузку: она маркирует статусность и социальное превосходство субъекта речи. Включение «лихача» в систему «моих услуг» превращает его в элемент концепта социальной иерархии, где извозчик мыслится как обслуживающий ресурс, а не самостоятельная фигура. В результате маркер участвует в концептогенезе представлений о зависимости, власти и «сервисной» структуре городской жизни.

В тексте М.Е.Салтыкова-Щедрина («...на лихаче прокатим...») «лихач» приобретает оттенок иронической культурной контаминации, поскольку сопрягается с религиозным пространством («Сергиева пустынь») и выражением «божественное будет». Здесь социокультурно-функциональная номинация вступает в конфликт с сакральным кодом, создавая эффект смыслового диссонанса и выявляя псевдорелигиозность как социально-психологическое явление. Таким образом, «лихач» становится инструментом концептогенеза не только исторического быта, но и авторской оценки культурных практик эпохи.

Следовательно, во всех случаях «лихач» проявляет себя как концептогенетически активная социокультурно-функциональная реалья, которая одновременно фиксирует историческую форму деятельности и запускает более широкие смысловые комплексы: городской темп, социальную стратификацию, поведенческую агрессию, а также идеологические и оценочные акценты художественного дискурса.

2. *Денотативно-апеллятивные реалии.* Они представляют собой лексемы, обозначающие типизированные социальные или культурные образы, которые фиксируются в коллективной памяти и становятся легко узнаваемыми для носителей языка. Они функционируют как концептологические маркеры, позволяя через одно слово или словосочетание актуализировать целый комплекс социальных, психологических и культурных характеристик. В художественном дискурсе денотативные апеллятивы выполняют мультифункциональную роль: с одной стороны, они идентифицируют тип, а с другой – обеспечивают оценочную и экспрессивную нагрузку текста. Ср.: «Нашлись сегодня обломовы, что с утра до вечера бродят по кабинетам и улицам, наблюдая жизнь, но никогда в неё не вмешиваясь. Они сидят в тени своих привычек и сожалений, словно довольствуясь тем, что мир проходит мимо, не трогая их покой» (А. Васильев, «Ночь гнева»); «Толстовец – комический тип, но он весьма законченно даёт представление о людях, которые прячутся» (М. Горький, «Жизнь Клима

Самгина») и др. Семиотически данные маркеры выступают кодом культурной идентичности, позволяя интерпретировать текст как многослойное отражение эпохи, социального строя и психологических установок. В совокупности, денотативно-апеллятивные маркеры подобного типа не только обогащают лексико-семантическую ткань художественного дискурса, но и служат инструментом когнитивного моделирования социальной действительности, закрепляя культурные и исторические концепты в сознании читателя.

В указанных примерах, например, «*обломовы*» не просто обозначают персонажей с определенными чертами характера, но и репрезентируют концепт социального инертного класса, его мировоззрение и привычки. функционирует как концептологический маркер, позволяющий через одного персонажа актуализировать целый пласт социальных и культурных представлений о пассивности, конформизме и привычках определенного слоя общества. В художественном тексте она выполняет компактную экспрессивно-оценочную функцию, обеспечивая читателю мгновенное распознавание типажа и его ценностной позиции без необходимости подробного описания. Помимо этого, языковой маркер способствует структурированию повествования, создавая типологическую сеть персонажей и социальных ролей, через которую автор моделирует динамику общества и выявляет конфликтные ситуации. В аспекте концептогенеза «*обломовы*» отражают не только индивидуальные свойства героев, но и историко-культурный опыт, закреплённый в коллективной памяти, демонстрируя устойчивые модели поведения и социальные стереотипы.

Маркер «*толстовец*» выполняет сходную функцию, но с более комическим и идеологически окрашенным оттенком. Как указывает М. Горький, «*толстовец*» представляет собой законченный тип личности, через которого репрезентируются особенности людей, склонных к самоизоляции, моральной рефлексии и уходу от социальных конфликтов. В аспекте концептогенеза данный маркер фиксирует историко-культурные нормы и ценности определённого слоя общества конца XIX – начала XX в., одновременно отражая философско-этические установки, связанные с движением «*толстоцев*». И так, «*толстовец*» как апеллятивная реалья становится многоуровневым семантическим маркером, через который выявляются и социальные стереотипы, и культурно-исторические ценности, а также авторская оценка этих феноменов. В совокупности с маркером «*обломовы*» подобные типажи позволяют проследить механизмы концептогенеза социальных типов в художественном дискурсе и понять, каким образом литература закрепляет и трансформирует культурные коды общества.

Или же: «У крыльца стоял одинокий ванька, ночник, в сермяге, весь запорошенный все еще валившимся мокрым и как будто теплым снегом. Было парно и душно. Маленькая лохматая, пегая лошадевка его была тоже вся запорошена и кашляла; я это очень помню» (Ф.М. Достоевский, «Записки из подполья»); «Около ресторана извозчики дороги, – думал Котлов, – нужно отойти немного... Там дальше дешевле.... Около Кремля он нанял ночного *ваньку*» (А.П. Чехов, «Ванька»); «– Черт его батька знает, какой городище! Что ты думаешь: у вокзала только одни лихачи стоят. Ни одного *ваньки*!» (А.И. Куприн, «Черный туман») и др.

В этих фрагментах «*ванька*», как типичная денотативно-апеллятивная реалья, обозначает определенный социальный тип – ночного извозчика, мелкого служащего или подневольного работника городского транспорта. Она не фиксирует уникальную личность, а репрезентирует стереотипизированный образ, понятный и узнаваемый для читателя, обладающий определённой функционально-социальной и культурной нагрузкой. В художественном дискурсе использование «*ваньки*» выполняет концентрированную экспрессивно-оценочную функцию, позволяя автору через одну номинацию передать образ города, его социальную структуру и бытовую практику. Данный маркер фиксирует типологию социального поведения, специфику работы и условий жизни городских служащих, что делает её инструментом когнитивного моделирования историко-культурной среды. Через «*ваньку*» читатель получает доступ к представлениям о городском пространстве, иерархии труда и социальной зависимости, а также к психологическим и поведенческим характеристикам низших социальных слоев. Кроме того, данный маркер выполняет нарративно-структурную функцию, облегчая автору экономию текста и концентрируя смысловые нагрузки: через одного «*ваньку*» активизируются целые

концепты городского быта, профессий и взаимодействий персонажей. В совокупности такие «апеллятивные реалии являются концептогенетически насыщенными единицами, фиксирующими культурные, социальные и исторические коды, и позволяют исследователю проследить, каким образом литература формирует и передаёт коллективные представления о социальной реальности» (Павлова и Потовская, 2024, с. 35).

Итак, использование подобных языковых маркеров в тексте позволяет автору сжато кодировать сложные культурные и психологические смыслы, что существенно облегчает их восприятие и интерпретацию читателем. С точки зрения концептогенеза, «апеллятивные реалии формируются под воздействием историко-культурного опыта, литературных традиций и социального сознания, закрепляя устойчивые стереотипы поведения и типологии личности. Их анализ в художественном тексте открывает возможность для выявления механизмов моделирования социальных и культурных концептов и исследует, каким образом литература участвует в формировании коллективного когнитивного опыта» (Буркова, 2014, с. 1404). Таким образом, денотативно-апеллятивные маркеры представляют собой важный инструмент концептологического анализа, связывающий языковую форму, культурный код и историческую интерпретацию.

3. *Конфессионально-маркированные номинативы.* Они представляют собой лексемы, обозначающие объекты, практики, обряды, верования и символы, непосредственно связанные с духовной и религиозной сферой жизни общества. Они фиксируют концепты сакрального, отражают систему ценностей, моральные нормы и культурно-религиозные модели поведения конкретного народа. В художественном дискурсе такие языковые маркеры выполняют концептогенетическую функцию, позволяя через отдельные слова и выражения актуализировать целый пласт религиозной традиции и мировоззрения персонажей. С их помощью автор создаёт когнитивно насыщенный образ эпохи, где религиозные нормы, обряды и верования интегрированы в социально-культурный контекст. Ср.: «– Это невеста Фомки беспалого, – говорил Заяц, указывая на дочь. – Вот в Филиппов пост свадьбу будем играть. Фомка-то давно на нее губы распустил...» (Д.Н. Мамин-Сибиряк, «Золотуха»); «Н. Федоров был убежденный христианин, но как будто не понимал тайны Креста и Голгофы, не принимал искупительного смысла смерти» (Н.А. Бердяев, «О назначении человека») и др.

В приведённом фрагменте маркер «Филиппов пост» актуализирует традиционный календарно-обрядовый цикл, фиксируя особенности русских свадебных и постовых практик. Она выполняет социально-культурную и оценочную функцию, показывая связь бытового события с религиозными нормами и моральными установками. В другом примере маркер «Крест и Голгофа» выступает как символический и концептуальный маркер, через который выражается философско-религиозная позиция героя и его понимание духовных истин. Оба примера демонстрируют, что конфессионально-маркированные номинативы в тексте функционируют не только как лексические единицы, но и как концептологически насыщенные коды, передающие духовный опыт и религиозно-культурные ценности. В совокупности они позволяют читателю реконструировать историко-культурную и морально-этическую среду, в которой разворачиваются события повествования.

Конфессионально-маркированные номинативы могут выступать как «символические маркеры, фиксирующие духовные ориентиры и морально-этические установки общества. Они обеспечивают семантическую плотность текста, передавая не только фактическую информацию, но и эмоционально-ценностную окраску, присущую религиозной сфере. Исследование подобных языковых маркеров позволяет выявить механизмы концептуализации сакрального в художественном тексте и его взаимодействие с бытовой и социальной реальностью» (Ситников, 2019, с. 318). Таким образом, конфессионально-маркированные номинативы становятся инструментом когнитивного моделирования духовной и культурной среды, способствуя реконструкции историко-культурного опыта народа. Они позволяют выявить механизмы интеграции сакральных концептов в повседневную жизнь и художественное повествование, а также понять, каким образом литература фиксирует и трансформирует религиозно-духовные ценности эпохи.

4. *Историко-фактуальные референты*. Они представляют собой лексемы, которые фиксируют конкретные исторические события, личности, учреждения или законодательные акты и обладают высокой референциальной точностью. Они выполняют функцию фиксации фактической исторической информации и обеспечивают читателю возможность соотнесения художественного текста с реальными событиями и явлениями прошлого. В рамках концептологического анализа такие маркеры представляют собой инструмент концептогенеза исторической памяти, через который формируются и передаются культурные и социальные знания о прошлом. Они способствуют созданию историко-культурного контекста произведения, обеспечивая авторскую репрезентацию эпохи и ее ключевых институтов. Ср.: *«Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах»* (А.Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву»); *«Теперь, когда мы освободили свои глаза от чужих очков, историческое зрение лучше видит проблески русской образованности и культуры даже в такое время, каким является время Грозного царя»* (Н.Э. Гейнце, «Ермак Тимофеевич») и др.

Л.Е.Ильина отмечает, что «собственно-исторические реалии интегрируют в художественный дискурс политико-административные, социальные и культурные коды, позволяя моделировать динамику исторических процессов и их влияние на жизнь персонажей. В аспекте когнитивистики они выступают как семантические маркеры, через которые читатель воспринимает и реконструирует структуру исторической реальности. Их исследование открывает возможности для выявления механизмов интеграции фактической истории и художественного воображения, а также для анализа способов, с помощью которых литература закрепляет и интерпретирует исторические знания» (Ильина, 2015, с. 44). Таким образом, историко-фактуальные референты выступают ключевым элементом когнитивного моделирования историко-культурного опыта народа в художественном тексте.

Или же: *«...После кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин»* (Н.В. Гоголь, «Мертвые души»); *«Мы современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими...»* (М.Ю. Лермонтов, «Странный человек»); *«Значок классности стоил не меньше, чем оригинальный кусок берлинской стены, снабжённый сертификатом»* (Н. Накропин, «Иммигрантский Дневник») и др.

Примеры показывают, что историко-фактуальные референты в художественном дискурсе выполняют ключевую функцию смыслообразования, обеспечивая фиксацию конкретных исторических событий, личностей, символов и материальных объектов. Эти языковые маркеры выступают как концептологически насыщенные единицы (кстати, в этом отношении З.В.Асадов вводит понятие этноэидемы, под которым понимает те образы и символы национальной картины мира, которые невозможно полноценно передать с помощью перевода или семантизации) (Асадов, 2012, с. 196–200), через которые формируется восприятие исторической действительности, позволяя читателю соотнести художественное повествование с коллективной исторической памятью. Они интегрируют в текст политико-социальные, общественно-культурные и эмоционально-ценностные коды, обеспечивая глубокую репрезентацию исторической эпохи и её влияния на сознание и поведение персонажей.

С точки зрения концептогенеза, историко-фактуальные референты служат механизмом структурирования исторических концептов, где конкретные события и факты становятся когнитивными опорами для построения образа времени и общества. Их использование позволяет автору актуализировать коллективный опыт, выразить отношение к историческим процессам и зафиксировать культурно-исторические установки, формируя у читателя многомерное понимание прошлого. «Следовательно, именно понятие культурного контекста является центральным при изучении объективации концепта в тексте. Знание культурного контекста призвано распознать определенные оттенки смысла, с помощью чего воспроизводятся важнейшие характеристики концепта» (Голубева, 2010, с. 11). Таким образом, данные маркеры-реалии не только фиксируют фактическую информацию, но и конструируют смысловые связи между историей, культурой и индивидуальным восприятием, создавая систему когнитивно-ценностных ориентиров. В

совокупности, историко-фактуальные референты обеспечивают концептуальную интеграцию фактического и художественного знания, становясь инструментом когнитивного моделирования историко-культурного опыта народа. Они позволяют реконструировать причинно-следственные связи между событиями и культурными практиками, создавая многомерную картину социальной и духовной жизни эпохи. Кроме того, такие референты способствуют выявлению скрытых смысловых и символических паттернов, обеспечивая глубокое понимание историко-культурной динамики в художественном дискурсе.

Заключение

В ходе исследования была подтверждена значимость историко-культурных маркеров как многомерных когнитивных единиц, способных структурировать восприятие художественного текста. Они выступают не просто языковыми номинациями, а концептуальными узлами, интегрирующими в повествование социальные, культурные и исторические контексты.

Анализ выявил, что социокультурно-функциональные маркеры фиксируют специфику профессиональной и бытовой деятельности, формируя устойчивые представления о трудовых практиках и институциональных ролях эпохи. Денотативно-апеллятивные маркеры обеспечивают типологизацию социальных образов, позволяя через компактные лексические единицы передавать целый пласт социальных и психологических характеристик. Конфессионально-маркированные маркеры проявляют себя как носители сакральных и моральных концептов, обеспечивая реконструкцию духовного опыта народа и моделирование этических норм. Историко-фактуальные референты функционируют как когнитивные маркеры, фиксирующие динамику исторических событий и институциональных изменений, обеспечивая многоплановое осмысление прошлого.

Исследование показало, что все группы маркеров-реалий взаимодействуют, создавая сложные семантические сети и обеспечивая многомерность интерпретации текста. Они позволяют реконструировать культурную память и историческую идентичность, формируя у читателя когнитивные карты эпохи. Концептогенез данных языковых маркеров проявляется через синтез номинации, экспрессивной оценки и культурной репрезентации. «Художественный текст, опираясь на реалии, превращается в инструмент моделирования социокультурной среды. Реалии обеспечивают интеграцию индивидуального и коллективного опыта, фиксируя культурные коды и национальные стереотипы. Они выступают посредниками между исторической фактологией и художественным воображением. Понимание их функционирования реалий позволяет глубже анализировать авторские стратегии и механизмы смыслообразования» (Жлобо, 2009, с. 183). Стало быть, концептологическая перспектива раскрывает взаимосвязь языка и культурной памяти, показывая, как художественные тексты транслируют исторические и социальные знания.

Таким образом, историко-культурные маркеры представляют собой ключевые элементы когнитивного и культурного анализа. Их системное изучение способствует развитию междисциплинарных подходов к культуре, литературе, истории и лингвокогнитивистике. Важно отметить, что эти маркеры формируют многоуровневую структуру семантических отношений, которая отражает сложность культурно-исторического опыта. Применение концептогенетического подхода позволяет выявлять скрытые слои историко-культурного знания и динамику социального мышления. Наконец, их анализ способствует пониманию того, как художественная литература участвует в формировании коллективного сознания и поддерживает непрерывность культурной традиции.

Литература

1. Асадов, З.В. (2012). Этноэидемы как способ преодоления лакунизации древних текстов. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 10(45), 196–200.
2. Борисова, Л.В. (1999). *Интерпретация художественного текста (проза)*. Наука.

3. Буркова, Т.А. (2014). Апеллятивные антропонимы в обиходно-разговорном стиле (на материале немецкого языка). *Вестник Башкирского университета*, 19(4), 1402–1406.
4. Əliyeva, A.Z. (2019). Kulturoloji aspektdə müxtəlif tərcümə üsulları. *Tərcümə problemləri. Respublika elmi-praktik konfransının materialları*, 25–27.
5. Жлобо, Н.Э. и др. (2009). *Современная методология анализа художественного текста*. МГЛУ.
6. Ильина, Л.Е. (2015). Исторические реалии как объект перевода (на примере произведения Ж.Каркопино). *Современные проблемы науки и образования*, 2(2), 38–45. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21703>
7. Qubatov, Ə.V., Вахшыева, N.A. (2003). Realilər, leksik-semantik xüsusiyyətləri və tərcüməsi. *Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri. Ali məktəblərarası elmi məqalələr məcmuəsi*, 4, 131–135.
8. Голубева, К.Г. (2010). Исследование культурного контекста как основа для определения смысловых составляющих концепта в художественном тексте. *Известия ВГПУ*, 1, 8–12.
9. Павлова, Т.А., Потовская, К.С. (2024). Культурная реалья как феномен языка и художественного текста. *Филология: научные исследования*, 2, 30–37.
10. Первушина, Л.В. (2012). Анализ художественного произведения в его историко-культурном контексте. *Вестник Полоцкого гос. ун-та*, 10, 76–83.
11. Ситников, А. (2019). Подход к анализу религиозной реальности в социальной феноменологии А.Шюца. *Социологическое обозрение*, 18(3), 309–327. <https://sociologica.hse.ru/2019-18-3/308146479.html>
12. Шуралёв, А.М. (2006). *Экспликация культурного кода художественного текста*. РИО РУНМЦ.
13. Шуралёв, А.М. (2013). *Концептологический аспект анализа художественного текста на уроках литературы*. Дисс. ... доктора педагог. наук. МГПУ.
14. Тюпа, В.И. (2002). *Художественный дискурс*. Изд-во Тверского гос. ун-та.

Поступило: 04.11.2025

Принято: 07.02.2026